

БЫЛА ЛИ «ПОЛЬСКАЯ ПАРТИЯ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЖУРНАЛИСТИКЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.?

И. Л. Качалов,

*доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Белорусского государственного университета информатики
и радиоэлектроники»,
канд. ист. наук, доцент,
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: kachalov@bsuir.by*

Аннотация. Рассматриваются взаимоотношений между М.П. Погодиным и С.П. Шевырёвым, с одной стороны, и Н.И. Гречем, Ф.В. Булгариным и О.И. Сенковским – с другой. Они считаются активными сторонниками и пропагандистами теории официальной народности. Однако постоянная литературная и журналистская полемика между ними свидетельствует о их принципиальных идейных разногласиях. Таким образом, они не могли быть приверженцами одной идеологии, ключевым вопросом которой был вопрос о путях национального развития России.

Ключевые слова: теория официальной народности; общественная мысль России второй четверти XIX в.; «польская партия» в русской литературе второй четверти XIX в.

Abstract. To discuss the relationship between M.P. Pogodin and S.P. Shevyryov, on the one hand, and N.I. Grech, F.V. Bulgarin and O.I. Senkovsky – on the other. They are considered to be active supporters and propagandists of the theory of the official nationality. However, the constant literary and journalistic controversy between them testifies to their principal ideological differences. Thus, they could not be adherents of one ideology, the key issue of which was the question of the ways of Russia's national development.

Keywords: theory of official nationality; social thought of Russia in the second quarter of the 19th century; "The Polish Party" in Russian literature of the second quarter of the XIX century.

В истории русской общественной мысли вторая четверть XIX в. занимает особое место. Именно в это время формируются её основные течения: западники и славянофилы, либералы-просветители и радикальные революционеры. Однако изучение общественной жизни этого времени невозможно без учёта того влияния, какое оказывала на неё официальная идеология. Ей стала так называемая «теория официальной народности», ключевые идеи которой были сформулированы в начале 30-х гг. XIX в. видным государственным деятелем России С. С. Уваровым в его знаменитой триаде: «православие, самодержавие, народность».

Историческая литература вполне единодушна в определении круга тех, кто разрабатывал и проводил в жизнь идеи официальной народности. Традиционно автором теории официальной народности называют С. С. Уварова, а её сторонниками и пропагандистами – историков М. П. Погодина и Н. Г. Устрялова, литературоведов С. П. Шевырёва и О. И. Сенковского, журналистов Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, писателей

Н. В. Кукольника и М. Н. Загоскина. Сюда же, с некоторыми оговорками, относят В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, а также целый ряд менее значительных литераторов, в той или иной степени причастных к теории официальной народности.

Объединение в одном лагере людей разного уровня интеллекта, образования и общественной активности ставит перед исследователем официальной народности проблему определения её подлинных теоретиков, т. е. тех лиц, чьи идеи были положены в основу создания и развития этой теории. Считается, что наиболее активными и деятельными приверженцами официальной идеологии были Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, О. И. Сенковский, М. П. Погодин и С. П. Шевырëв. Именно на их работы чаще всего ссылаются при характеристике идейного содержания теории официальной народности. При этом, как правило, не обращается внимание на взаимоотношения между Погодиным и Шевырëвым, с одной стороны, и Гречем, Булгариным и Сенковским – с другой. А отношения эти были совершенно непохожи на отношения союзников, и тем более единомышленников. Факт этот хорошо известен, но будет нелишним проиллюстрировать его на нескольких примерах.

Еще в апреле 1822 г. М. П. Погодин записал в своем дневнике: «...переворочал всю Гречеву Историю¹. Такая неосновательность, бестолочь, сумасбродство, какого можно ожидать только от неумного человека» [1]. Согласимся, что это не очень лестный отзыв о будущем «соавторе».

Личное знакомство М. П. Погодина и Ф. В. Булгарина произошло в начале 1826 г. [2, с. 333]. На первых порах их отношения были вполне дружеские. В течение 1826 г. М. П. Погодин напечатал несколько своих статей и переводов в «Северном архиве», издававшемся Ф. В. Булгариным совместно с Н. И. Гречем. Редакторы «Северного архива», как видно, довольно высоко ценили М. П. Погодина. «Мы с Гречем часто вспоминаем вас: вы очаровали нас своими познаниями и скромностью», – писал Ф. В. Булгарин М. П. Погодину через несколько месяцев после их встречи [2, с. 6]. В другом письме Ф. В. Булгарин даже подчеркивал, что они платят за переводы только М. П. Погодину: «Это именно касается до одних вас, потому что вы будете переводить одно важное, любопытное и с примечаниями» [2, с. 6].

Однако дружба была недолгой. Она продолжалась лишь до 1828 г. К тому же и за этот короткий период между М. П. Погодиным и Ф. В. Булгариным имели место некоторые трения. Уже в ноябре 1826 г. Булгарин написал Погодину колкое письмо, где упрекал его за то, что он, вопреки договоренности, присылал мало оригинальных статей, а за переводы

¹ Речь идет, по видимому, о книге Н. И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы», вышедшей как раз в 1822 г.

платить те же деньги Ф. В. Булгарин отказывался и требовал от М. П. Погодина выполнения взятых им обязательств [2, с. 118–119]. В свою очередь, Погодину не понравилось напечатанное в «Северной пчеле» объявление об издании «Московского вестника» [3], и он публично высказал своё недовольство на страницах «Московского вестника» [4, с. 149]. Эти инциденты не привели еще к полному разрыву отношений Погодина с Булгариным и Гречем, но путь к столкновению был уже открыт. И главную роль здесь сыграл С.П. Шевырёв.

В первой книжке «Московского вестника» за 1828 г., которую он выпустил без участия М. П. Погодина ², Шевырёв напечатал свое «Обозрение русской словесности за 1827 г.». В нем он коснулся и нравственно-описательных сочинений Ф. В. Булгарина. Судя по высказываниям Шевырёва, его отношение к литературным вкусам Булгарина было лишено всяких симпатий. «Сия теплота чувства или мысли, которая роднит душу читателя с писателем, совершенно отсутствует в сочинениях Булгарина, – писал он. – Главный их характер безжизненность: из них вы не можете даже определить образа мыслей в авторе» [5, с. 77].

Разбор С. П. Шевырева привел к тому, что, как вспоминал впоследствии М. П. Погодин, «с петербургскими издателями открылась у нас жесточайшая война» [6, с. 15]. Раздосадованный Булгарин не замедлил с ответом в «Северной пчеле», где постарался излить всю свою злобу на Шевырёва [7]. М. П. Погодин вначале пытался как-то сгладить конфликт и остаться при этом в стороне. Он напечатал в «Московском вестнике» отзыв на статью Булгарина [8, с. 268] и записал по этому поводу в своем дневнике: «Написал очень тонкий отзыв Булгарину, очень, очень был доволен им. Шевырёв защищен благородно, я опять в стороне, без нарушений приличий» [9, с. 168].

Однако примирения не получилось и М. П. Погодину пришлось, в конце концов, тоже включиться в борьбу с Ф. В. Булгариным. Уже в дневниковой записи от 15 марта 1829 г. Погодин использовал имя Булгарина как нарицательное для обозначения своих врагов [9, с. 307]. Эта перемена М. П. Погодина в отношении к Ф. В. Булгарину объяснялась еще и тем, что деятельность Булгарина вошла в противоречие с литературными и научными взглядами Погодина.

Так, Погодину очень не понравился вышедший в 1829 г. роман Булгарина «Иван Выжигин». 3 апреля он записал в дневнике: «Ничего не может быть скучнее, безталантливее, безцветнее», а 12 апреля: «Выжигин не художественное произведение, чтобы не сказать дрянь» [9, с. 338–339]. Такую же оценку роману Булгарина Погодин дал и в письме

² М. П. Погодин в это время находился как раз в Петербурге у Ф. В. Булгарина.

Шевырёву³: «Как литературное произведение – он ничтожен: ни действия, ни характеров, ни верных описаний, ни чувства» [10, с. 79–80]. В объявлении о намерении Н. А. Полевого издавать «Историю русского народа» Ф. В. Булгарин сравнил его с Н. М. Карамзиным. Это сильно задело Погодина как историка и поклонника творчества Карамзина. В ноябре 1829 г. он писал С. П. Шевырёву: «У нас делаются чудеса неслыханные: Булгарин сравнивает Карамзина с Полевым и от последнего надеется больше. ...Господи, Господи! За что разгневался Ты на нашу литературу? В Вестнике Московском должна открыться пальба. А тебя-то нет! Триумвират из Лентулов хочет предписывать законы. Нет сил терпеть!» [10, с. 120].

В отличие от М.П. Погодина, С.П. Шевырев с самого начала занял бескомпромиссную позицию по отношению к Ф.В. Булгарину. И вражда между ними, то затухая, то разгораясь с новой силой, продолжалась до конца их жизни. Уехав в начале 1829 г. в Италию, он писал оттуда своему другу В.П. Титову: «В каком омуте вы купаетесь? Как рад я, что ушёл с этого торжища, где Загоскин, Полевой и Булгарин – герои, и кроме безумного крику, гаму ничего не слышно! Отсюда смотришь на это ещё гаже, но, конечно, душе спокойнее» [11]. Прекращать борьбу С.П. Шевырёв не собирался, но советовал своим единомышленникам переждать некоторое время: «...Нам бы всем надо пока замолчать, кому уехать если возможно, кому уйти в себя – и подождать, – а там с бодрыми силами снова приняться за дело» [11]. Сам Шевырёв так и сделал. Вернувшись через три года из-за границы, он вновь вступил в полемику со своими идейными противниками.

В 1835 г. С.П. Шевырёв принял активное участие в издании В.П. Андросовым журнала «Московский наблюдатель», где, как вспоминал М.П. Погодин, «он сильно вооружился против Сенковского и нажил себе нового врага» [6, с. 21]. Наконец, с 1841 г. М.П. Погодин и С.П. Шевырёв начали издавать журнал «Москвитянин», который, по их замыслу, должен был противостоять «торговому направлению» и журнальному триумвирату Ф.В. Булгарина, Н.И. Греча и О.И. Сенковского.

Постоянные столкновения Шевырёва и Погодина с Булгариным, Гречем и Сенковским нельзя объяснить лишь исходя из причин чисто литературного характера. Их разногласия были вызваны не только приверженностью к разным литературным стилям и направлениям. Не только борьба за читателя заставляла их постоянно полемизировать друг с другом. Всю свою сознательную жизнь Шевырёв и Погодин выступали за самобытное национальное развитие России и русской литературы в частности. А Булгарин, Греч и Сенковский в представлении их и их единомышленников составляли антирусское направление в литературе и журналистике.

³ С. П. Шевырёв в начале 1829 г. уехал в Италию.

По мнению М. К. Лемке, первым, кто печатно заговорил о Ф. В. Булгарине и О. И. Сенковском как представителях «польской партии», был В. Ф. Одоевский. М. К. Лемке имел в виду опубликованные в 1864 г. некоторые материалы из архива В. Ф. Одоевского, среди которых была статья «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина». Эту статью В. Ф. Одоевский написал в 1836 г., но тогда она не была напечатана. Публикуя статью в «Русском архиве», Одоевский снабдил ее комментариями, где как раз и утверждал, что в «привилегированных журналах»⁴ проводилось враждебное России польское направление, которого результаты оказались лишь в последствии», что Булгарин и Сенковский чернили «все русское и в особенности писателей, не принадлежавших к польской партии» [12].

М. К. Лемке довольно убедительно доказал, что это утверждение В. Ф. Одоевского было легендой и объективно деятельность Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского никогда не носила пропольский характер [13]. Мы согласны, что польское происхождение Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского и немецкое Н. И. Греча было лишь поводом для обвинения их в антирусской деятельности и не отражало действительного положения вещей. Но факт остается фактом: в субъективном представлении своих противников Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч и О. И. Сенковский не являлись русскими писателями. И мнение это возникло не в 1864 г., когда появилась публикация В. Ф. Одоевского, а было уже широко распространено во второй половине 1820-х годов. Этому, несомненно, способствовали факты биографии Н. И. Греча, Ф. В. Булгарина и О. И. Сенковского. Особенно связь двух последних с деятелями польской культуры и науки, которые в большинстве своем были носителями антирусских настроений [14].

Ещё в декабре 1824 г. попечитель виленского учебного округа Н. Н. Новосильцев писал А. А. Аракчееву о необходимости «иметь непреметное наблюдение» за некоторыми жителями Петербурга, опасными, по мнению Новосильцева, для порядка в Царстве Польском. Среди них он называл О. И. Сенковского, Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча, «которые принадлежали здесь к весьма вредному обществу, существовавшему долгое время под именем «Шубравцев» [15]. Правда, расследование, проведенное А. А. Аракчеевым, а затем и III Отделением, показало, что сомневаться в благонадежности Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча нет никаких оснований [16]. Однако можно предположить, что это подозрение стало достоянием общественного мнения и в среде русских патриотов создало некоторое предубеждение против деятельности Булгарина и Греча. Что касается О. И. Сенковского, то официальное «объяснение» III Отделения на секретное письмо Н. Н. Новосильцева его никак не оправдывало [16]. У III Отделения были на то причины: например, переписка Сенковского

⁴ В. Ф. Одоевский имел в виду «Северную пчелу» и «Библиотеку для чтения».

с активными деятелями польского национального движения, которая, несомненно, не была секретом для тайной полиции [14, с. 39–40]. Таким образом, даже правительство относилось к О. И. Сенковскому с недоверием.

Использование национальных мотивов в критике Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча и О. И. Сенковского было очень широко распространено среди их литературных противников. Приведем некоторые характерные, на наш взгляд, примеры.

Одно из главных обвинений, которое С. П. Шевырёв выдвинул против Ф. В. Булгарина еще в 1828 г., касаясь его нравственно-описательных произведений, заключалось в том, что Булгарин смотрит на современные обычаи и характеры «не своими глазами, а сквозь стекло чужеземных писателей, не русские нравы описывает, а переделывает чужие на русские» [5, с. 78]. Причем эта оценка выражала не только мнение Шевырёва. «Обозрение всем понравилось и все в один голос говорят, что никогда характер сочинений Булгарина не был так верно определен», – писал из Петербурга В. Ф. Одоевский [9, с. 168].

А. А. Дельвиг, разбирая роман Ф. В. Булгарина «Дмитрий Самозванец», писал: «Мы извиним в нем (в романе – И.К.) повсюду высказывающееся, пристрастное предпочтение народа польского перед русским. Нам приятно видеть в г. Булгарине поляка, ставящего выше всего свою нацию; но мы бы еще с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную писателем русским» [17]. А. С. Пушкин также в одной из своих полемических заметок намекал на нерусское происхождение Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча [18].

Известно достаточно много эпиграмм на Ф. В. Булгарина, написанных разными авторами [13, с. 392–394]. Почти в каждой из них тем или иным образом обыгрывается национальность Ф. В. Булгарина, его называют не иначе, как «поляк» и даже «польский задорный наш пес», как, например, в стихотворении А. Е. Измайлова «Сленина лавка» [19].

В начале 1830-х годов у А. С. Пушкина появилась идея издавать политическую газету и тем самым покончить с монополией Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина. В 1832 г. она была близка к осуществлению, и Н. И. Любимов писал в этой связи М. П. Погодину: «Верно слышали вы о предположении Пушкина издавать ежедневную газету. От души желаю всякого успеха. Авось, тогда несколько поумолкнут Полевые, Булгарины и Гречи и вся нечистая и нерусская их братия. Пора зажать рот мерзавцам!... Вы не будете Погодин, если не будете с своей стороны помогать столь доброму подвигу, во славу и в пользу Руси предпринимаемому» [20].

С. П. Шевырёв в письме к П. А. Вяземскому от 29 марта 1838 г. коснулся «Северной пчелы», под пером которой, как он выразился, «замерзает всякое русское слово» [21, с. 136]. Как бы продолжая эту тему, в своем разборе «Чтений о русском языке» Н. И. Греча [22] С. П. Шевырёв доказывал, что Греч «смотрит на русскую азбуку с точки зрения совершенно

западной, как будто иностранец; ...увлеченный прельщениями западных языков, вводит в наши правила некоторые германизмы и галлицизмы» [23 с. 185, 189]. С. П. Шевырёв приводил примеры неправильного составления Н. И. Гречем русских слов [23, с. 211]. Но наибольшее неприятие Шевырёва вызвало то, что Греч «самым неловким образом посягнул на наше народное чувство. Он сравнивает Петербург с Парижем, Москву с Лионом!». Первое сравнение неверно, писал С. П. Шевырёв, «и никакой русский его не пожелает». А сравнивать Москву, «нашу древнюю столицу, где наш Кремль, наша святыня, вся наша древняя Русь», с Лионом, «фабричным и промышленным городом, чуждым всяких великих воспоминаний», вообще «противно для нашего народного чувства и есть высшая степень неприличия, какой, конечно, мы не встречали под пером ни одного русского литератора» [23, с. 217–218.].

Из этих высказываний Шевырёва видно, что он не признавал в Грече не только русского литератора, но и подчеркивал его незнание русской истории, русских национальных традиций. В январе 1849 г. С. П. Шевырёв писал П. А. Вяземскому: «Нечего сказать: с такою литературой, как литература «Отечественных записок» и «Современника» с «Северною пчелою» в придачу, мы далеко уйдем во вкусе и в образовании. Работали, трудились со времен Петра Великого и дошли до того, что Краевские, Булгарины, Некрасовы и Панаевы сделались образователями современного русского человечества» [21, с. 151]. Ставя Ф. В. Булгарина в один ряд с откровенными западниками, С. П. Шевырёв тем самым выражал свое несогласие с курсом «Северной пчелы», таким же, на его взгляд, антирусским, как курс «Современника» и «Отечественных записок».

Что касается оценки взглядов и деятельности О. И. Сенковского, то мы позволим себе процитировать несколько высказываний о нём его достаточно авторитетного современника – А. И. Герцена. Он был одним из немногих, кто высказал сомнение в искренней приверженности О. И. Сенковского правительственной идеологии. Вот что А. И. Герцен писал о «Библиотеке для чтения»: «Мы не разделяем все же мнения тех, кто усматривал в журнале какую-либо правительственную тенденцию. Его с жадностью читали по всей России, чего никогда не случилось бы с газетой или книгой, написанной в интересах власти» [24, с. 220]. А. И. Герцен подчеркивал, что ирония О. И. Сенковского была несовместима с существовавшей системой: «Поднимая на смех все самое святое для человека, Сенковский невольно разрушал в умах идею монархии» [24, с. 220]. В положении О. И. Сенковского А. И. Герцен отмечал черты вынужденного подчинения обстоятельствам. Он прямо заявлял, что равнодушие и скептицизм Сенковского были порождены «свинцовой эпохой, в которой он жил» и являлись ничем иным, как «бегством от Николая» [25, с. 120].

Таким образом, во второй четверти XIX в. в России существовала довольно большая

группа националистически настроенной русской интеллигенции, которая считала деятельность Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча и О. И. Сенковского антирусской. М. П. Погодин и С. П. Шевырѐв принадлежали именно к этой группе и занимали в ней далеко не последнее место. Несмотря на то, что полемика Погодина и Шевырѐва с Булгариным, Гречем и Сенковским касалась главным образом литературных вопросов, ее общеидеологический подтекст очевиден. Разногласия носили явно принципиальный характер, и потому можно с полной уверенностью утверждать, что вместе они не могли создать и развивать общую для них теорию, тем более если одним из ключевых вопросов этой теории был вопрос о путях национального развития России. Чьи же взгляды тогда следует считать собственно теорией официальной народности?

Главным критерием здесь могут служить, на наш взгляд, отношения между указанными лицами и С. С. Уваровым. С одной стороны, автору формулы «православие, самодержавие, народность», на протяжении многих лет проводившему свою идеологическую программу в жизнь, нужны были верные помощники. А ими могли стать только те, кто разделял его взгляды, или, по крайней мере, точно выполнял его указания. С другой стороны, мнение Погодина, Шевырѐва, Греча, Булгарина и Сенковского об Уварове как личности, как ученом и как государственном деятеле является показателем их действительного отношения к его идеологической программе. Ведь следование принципам православия, самодержавия и народности могло быть продиктовано не только убеждениями, но и причинами иного характера – материальной выгодой, карьерными соображениями, политической конъюнктурой и пр.

ЛИТЕРАТУРА

1. ОР РГБ, ф.231/1, к.30, д.1, л.179.
2. Барсуков, Н. Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – Кн. 1. – СПб., 1888.
3. Северная пчела. – 1826. – № 156.
4. Московский вестник. – 1827. – № 2.
5. Московский вестник. – 1828. – № 1.
6. Погодин, М. Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве / М. Погодин – СПб., 1869.
7. Северная пчела. – 1828. – № 11.
8. Московский вестник. – 1828. – № 2.
9. Барсуков, Н. Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – Кн. 2. – СПб., 1888.
10. Русский архив. – 1882. – № 5.
11. ОР РНБ, ф.539, оп.2, д.1670, л.1.

12. Русский архив. – 1864. – N 7–8. – Стлб. 828–830.
13. Лемке, М. Фаддей Булгарин / М. Лемке // Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. – СПб., 1904. – С.410–415.
14. Каверин, В. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора Библиотеки для чтения / В. Каверин. – М.: Наука, 1966. – С .39.
15. Письмо Н.Н. Новосильцова графу А.А. Аракчееву 28 декабря 1824 г. Вильно // Русская старина. – 1903. – № 11. – С.334–335.
16. Объяснение на представление действ. тайного советника Новосильцова о вредном духе сочинения писателя Мицкевича под заглавием «Конрад Валенрод» и вредном влиянии на Польшу журналиста Булгарина 14 июля 1828 г. // Русская старина. – 1903. – № 11. – С.344–348.
17. Литературная газета. – 1830. – Т. I. – № 14. – 7 марта. – С.112–113.
18. Литературная газета. – 1830. – Т. II. – N 45. – 9 августа. – С.72.
19. Русский архив. – 1864. – № 7–8. – Стлб. 812–813.
20. Барсуков, Н. Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. Барсуков. – Кн. 4. – СПб., 1891. – С.95.
21. Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича князю П.А. Вяземскому 1825–1855 годов (из Остафьевского архива). Изданы с предисловием и примечаниями Николая Барсукова. – СПб., 1901.
22. Греч, Н. Чтения о русском языке / Н. Греч. 2 ч. – СПб., 1840.
23. Москвитянин. – 1841. – Ч. II. – № 3.
24. Герцен, А.И. О развитии революционных идей в России // А.И. Герцен : Собр. соч.: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т.VII.
25. Герцен, А.И. Very dangerous!!! // А.И. Герцен : Собр. Соч.: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – Т.XIV.